

КТО АВТОР «ОГОНЬКА»?

Юбилей бывают не только у людей, событий, но и у песен. Одной из них недавно исполнилось 35 лет.

И кто бы ни пел ее, кто бы ни слушал ее, у каждого она рождала прилив теплых чувств, светлой надежды, подъем радости, а ее мелодия — простая и трогательная — заставляла человека заглянуть в себя, и одновременно посмотреть на окружающих и увидеть еще раз, что на свете существуют вещи и понятия, которым нет цены и измерения, — они вечны и незыблемы — это любовь к Родине, преданность ей, вера в справедливое ее дело.

Она гремела над страной, хотя по мотиву своему и напеву ее не отличают ноты высокого звучания — ведь это лирика, а она всегда звучит тихо, может, иногда приглушенно, однако ценность ее от этого не снижается, а даже растет, устремляется вверх. Послушайте:

**На позицию девушка
Провожала бойца.
Темной ночью простила
На ступеньках крыльца...**

Парень ушел на фронт, в пекло, огонь, в сражение. Ушел, унося чистый, нежный образ дорогого ему человека, — подруги, той, что поклялась ждать его назад, ждать, сколько бы это не продолжалось, ждать его с победой. И как символ ее верности ему, как символ веры в правое дело, за которое солдат идет в бой, на ее окошке горит немеркнущим пламенем огонек, словно говорит: родной, я жду тебя.

Песню любили тогда, продолжают любить миллионы людей и по сей день. Вот и сейчас, в мирное время, для нас эта песня несколько не утратила своей свежести, своего обаяния, взволнованности. Она продолжает оставаться в строю боевых песен советской молодежи.

Я хорошо помню мою первую встречу с этой песней, ее и тогда называли «Огонек». Это было недалеко от фронта, на одном из аэродромов, где базировались истребители — знаменитые «Яки». В августе сорок третьего к нам прибыла на платформах большая партия самолетов из Новосибирска. Мы их собрали, облетали. За ними приехали летчики с передовой. А вечером в притихшем селе, на улицах которого иногда собирались парни и девушки, а к ним изведывались «летучи», в чистом прозрачном воздухе, освещенном яркой луной, и прозвучали впервые слова незнакомой еще песни о девушке, провожающей бойца на фронт.

Мне никак не забыть впечатления, произведенного песней. Как будто пелось про меня, как будто это я уходил из родного донбасского поселка вблизи Горленки, уходил от матери, друзей, уходил от первой своей любви на фронт. Это мне светил ее огонек. Но сила и очарование песни в том, что не только кто-то один из слушающих узнал себя в ней, а в том, что подобное было с каждым из нас: что все переживали нечто подобное. Она роднила нас всех, спланивала воедино, мы лучше, казалось, понимали друг друга...

И только значительно позже я с немалым удивлением узнал много интересного, связанного с историей создания песни, узнал что она продолжительное время оставалась своего рода сиботинушкой, — то есть дитем без водителя. Правда, автор слов известен, тут голову ломать не приходилось, — слова написал известный поэт-песенник Михаил Исаковский. Написал, как стихи, даже не подозревая, что им уготована судьба песни, с большой буквы, судьба бесмертной песни. Стихи напечатаны в газете. А мелодию к ним после придумал композитор. Он и пустил ее по белу свету на радость людям.

Люди пели, восторгались песней, но никогда, пожалуй, не задумывались над тем, какой это щедрой души человек, несомненно, талантливый и певучий, придумал такую простую и душевную, не просто берущую, а хватающую за сердце мелодию, заминавшую буквально с первого прослушивания, а потом остающуюся навсегда в памяти.

А ведь у нее, у песни, конечно же, был свой день рождения, был свой творец. Но случился редкий парадокс, который рождением своим обязан только одному суровому обстоятельству — сложной и довольно напряженной обстановке, царившей в ту пору на фронтах. Песня была безымянной, без автора.

Уже в наши дни Всесоюзное радио, а вместе с ним и Центральное телевидение объявили розыск по всей нашей стране, разыскивая автора всемирно известного «Огонька».

Некоторые музыковеды, не особенно ломая голову над этой проблемой, записали ее в свои списки под названием народная.

Но кто же автор? В студию поступило несколько десятков писем! И каждое из них начиналось такими категоричными словами: «Я тот, кого вы разыскиваете. — автор «Огонька». Было это...».

Дальше шел обстоятельный и довольно убедительный, на

первый взгляд, рассказ о том, где, на каком фронте воевал человек, написавший письмо, и при каких обстоятельствах ему удалось сочинить музыку к словам Михаила Исаковского.

Поскольку претендентов оказалось чрезвычайно много, пришлось устраивать им основательную проверку. Их просили к роялю, или давали в руки баян, гитару — это на выбор, — и просили сыграть мелодию. Увы, автора среди них не было.

Только настоящий автор «Огонька», — а он все-таки был и тоже не придавал этому значения, — поступил совсем иначе. Он отправился, благо тот жил в Москве, как и настоящий автор песни, к своему бывшему командиру на квартиру. Но там полковника Василия Павловича Короткова не оказалось — он уехал к себе на дачу.

И тогда он поехал в Подмоскovie, отыскал нужный адрес, там встретил парнишку лет шестнадцати. Они разговаривались.

— Вы кто? — спросил парнишка.

— Никоненко Михаил Иванович.

Парнишка даже хлопнул в ладоши от радости:

— Самый настоящий?

Гость засмеялся. А парнишка принялся говорить быстро-быстро, что его отец Василий Павлович частенько вспоминает Никоненко Михаила, который написал музыку к «Огоньку».

— Отец, бывало, услышит по радио, что слова Исаковского, а музыка неизвестного автора, — и начнет говорить недовольно, дескать, как это неизвестного — ее сочинил мой солдат Миша Никоненко. Все собирался навеститься в радиокомитет и подсказать там, кто все-таки придумал мелодию песни. Да никак не собрался...

Вскоре домой приехал и сам Василий Павлович, одетый в военную форму с погонами полковника на плечах. Увидев во дворе дачи незнакомое лицо, оч подошел поближе, приглянулся к нему и вдруг радостно вскрикнул: — «Огонек», «Огонек!» Миша! Это ты?

Он обнял гостя, прижал к себе крепко, по-мужски.

Они долго еще беседовали, вспоминали родную танковую бригаду, знакомых, близких. А рядом стоял сынишка полковника и слушал, ему было очень интересно видеть встречу двух ветеранов, участников отгремевшей войны, о которой он лишь в книгах почитывает да в учебниках. А тут живые люди...

А потом Никоненко сказал, зачем пожаловал к полковнику к гостю:

— Если сможете, товарищ полковник, помочь мне, буду вам признателен. Может, слышали, спрашивает радио, кто автор «Огонька»?

— Чего волнуешься? Ты и есть автор. Это я засиделась в уютной где угодно и перед кем угодно. А помнишь, как это было?

Было под Харьковом. Недалеко находилась линия фронта. Бригада, в которой служил солдат Никоненко, стояла на отдыхе в селе Радьково, где росло много вишен и яблок, где белели в их окружении ичтеньские, аккуртеньские, обманынные белой глиной хаты. Однажды Василий Павлович прочитал в газете стихотворение Михаила Исаковского «Огонек». Оно понравилось ему своей доходчивостью, простотой и возволнованностью.

— Эх, вот бы песню из него сделать. Наверное, получилась бы хорошая...

У него родилась такая мысль, и он тут же позвал к себе бойца Михаила Никоненко, известного в бригаде участника художественной самодеятельности и очень хорошо играющего на баяне, в прошлом артиста Ворошиловградского драматического театра. Тот явился, доложил, как полагается. Подполковник протянул ему газету и попросил прочитать стихи. Никоненко прочитал, похвалил и вызвался их выучить, чтобы прочитать солдатам на ближайшем концерте армейской самодеятельности. Но полковник предлагал другое:

— Миша, тут песня нужна. Неужели ты не чувствуешь ее. Стихи сами просятся на ноты...

— Беда, товарищ полковник. С нотной грамотой-то я не знаком. Разве что попробовать на слух подбирать ноты. Может, что и получится.

— Да получишь! — обрадовался полковник, — ты только захоти, я постараюсь создать тебе условия, а ты сиди и мозги себе. Идет?

Рядовой Никоненко рыжком подхватился на ноги:

— Готов выполнить ваше приказание, товарищ полковник!

Коротков весело засмеялся: — Удивил ты, Миша. Ну разве произведения искусства по приказу делаются. Тут нужно личное души, зов сердца. Понимаешь?

— Так точно, понимаю. Буду готовить музыку.

Рядового Никоненко не трогали ровно две недели, освободив его от всех обязанностей, связанных с несением караульной службы, дежурства, хождения в наряд.

(Окончание на 4-й стр.).

КТО АВТОР «ОГОНЬКА»?

(Окончание.
Начало на 3-й стр.).

Он сидел один в хате или где-нибудь в глубине тенистого сада под развесистой черешней и на мандолине подбирал мелодию к стихам, которые уже выучил до запятой.

Трудновато подвигалось поначалу. Созданное им, было похоже на другие мелодии, и Михаил отбросил это, принявшись сочинять иное, стараясь ни в чем не повторять уже петого, слышанного.

Так день за днем, шаг за шагом, нота за нотой. А две недели спустя Михаил Никоненко побежал на прием к подполковнику Короткову. И, только ступив на порог, громко доложил:

— Товарищ подполковник, кажется, сочинил!

— Давай, исполни. Хочу послушать...

Зазвучало вступление на мандолине, и уже первые звуки преобразили лицо подполковника. Доклад Никоненко он встретил с любопытством и дозой недоверия. Однако оно мигом улетучилось, когда прозвучал первый куплет: «На позицию девушка...»

Подполковника словно проняло, он засиял и под конец уже сам принялся подпевать. А потом, не выдержав, подбежал к солдату и стал трясти ему руку:

— Здорово, Миша! Да ты у нас настоящий Дунаевский!

Говорил он шутливым тоном и все время тряс руку солдата. Теперь он убедился, что не случайно вызвал две недели назад именно Михаила Никоненко, не случайно просил именно его сочинить песню. Он не ошибся, чутье не обмануло его.

— Я поздравляю тебя, Михаил. И выношу тебе благодарность от имени командования.

— Служу Советскому Союзу! — по всем требованиям Устава ответил на поздравление рядовой Михаил Никоненко...

Позже был концерт, на котором его песня произвела настоящий фурор. Восторженные солдаты сильно хлопали в ладоши, заставили Никоненко петь свою песню кряду три раза. На следующий день автора песни буквально затащали — каждый взвод хотел, чтобы именно у них побывал и научил солдат петь ее.

Вечером девчата в селе уже пели песню своими звонкими голосами — она и им понравилась тоже. А у них, как известно, вкус особый.

Полмесяца спустя в танковой бригаде на гастролях побывали московские артисты. Они познакомились с песней, с ее автором, который щедро поделился мелодией и с ними, а они тут же включили ее в свой репертуар.

Вскоре пошла цепная реакция — «Огонек» расходился во все концы с молниеносной быстротой, чему способствовали неоспоримые достоинства, которые содержала песня безвестного автора, имя которого, к сожалению, нигде и никем не упоминалось, а не упоминалось за ненадобностью. В ту пору рады были и самой мелодии, а над тем, кому принадлежит она, задумывались куда меньше.

Так и произошел парадокс — хорошая песня потеряла своего творца. И только почти два десятилетия спустя со времени появления ее было

с точностью установлено имя автора.

А вот как восторжествовала справедливость. Полковник Коротков, пообещав помочь, не бросил своих слов на ветер. Он позвонил своему фронтовому другу Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Василию Александровичу Мишулину, командовавшему в то время 173-й отдельной танковой бригадой, в которой и служил когда-то солдат-автоматчик Михаил Никоненко, и попросил его подтвердить авторство песни.

Василий Александрович охотно откликнулся на зов:

— Своему однополчанину как не помочь. Знаю Мишу Никоненко...

Втроем они направились в радиокомитет, где произошел такой диалог:

— Мы привели вам настоящего автора «Огонька». Вы об этом просили своих слушателей. Вот он...

Коротков и Мишулин указали на Никоненко. Товарищи из радио сообщили, что у них уже образовался длинный список претендентов на авторство. И все доказывают, что только один из них (и никто больше!) сочинил эту песню.

Гости подробно рассказали историю появления «Огонька», авторитетно подтвердили, что это произошло именно в их части, именно под Харьковом, именно в сорок третьем году. А Никоненко тут же сел за рояль и проиграл мелодию песни. А сделав это, признался:

— Дело в том, что у меня в двух местах сначала мелодия звучала несколько иначе, полутоны не те.

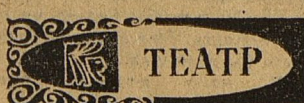
После этого эксперты, которые прослушивали песню, пришли к выводу: да, так оно и есть — перед ними настоящий автор. Ибо в записанном ими варианте звучали именно те полутона, о которых и толковал Никоненко, они были, но со временем, от длительного исполнения сгладились, как бы упростились, и песня окончательно приняла свое нынешнее звучание.

Минули годы... Никоненко демобилизовался, побывал дома. А дом его находился в Пролетарском районе Донецка, где проживала мать Фекла Федоровна. Здесь, в Донецке прошло детство будущего автора «Огонька». Отец Михаила — шахтер. Михаил тоже работал в забое, добывая уголь, позже его, как талантливого участника клубной самодеятельности, шахта направила на учебу в театральное училище. Окончив его, он работал в Ворошиловградском драмтеатре. После войны поселился в Москве, где стал одним из руководителей художественной самодеятельности Дворца культуры имени Горького.

Михаил Иванович Никоненко нередко навещает в Донецк. В один из его приездов в шахтерскую столицу мне удалось встретиться с ним и услышать одиссею его родного «Огонька». О ней я и постараюсь рассказать в этом очерке.

«Огоньку» уже 35 лет. А он не стареет. Живет. Его по-прежнему поют. Он по-прежнему радует и волнует всех людей глубоким смыслом, который заложен и в словах, и в мелодии...

г. Донецк. Л. САНИН.



Гастроли...

ТЕАТРАЛЬНЫЕ гастроли этого сезона стали для жителей Донецка большим и праздничным событием. Отгремели аплодисменты в честь спектаклей театра имени Леси Украинки, и вот уже расклеены афиши нового театрального коллектива — Архангельского государственного театра драмы имени М. В. Ломоносова, который в ближайшее время отпразднует свое 50-летие.

50 лет для истории — это небольшой отрезок времени, а для театрального коллектива эти годы были временем начинания, расцвета и становления. Биография у театра интересная. 12 апреля 1920 года по поручению наркома просвещения А. В. Луначарского в Архангельске был открыт первый советский театр на Севере, а 27 октября 1932 года в новом театральном здании сыграли первый спектакль — «На дне» А. М. Горького.

Ориентация на классику, на лучшие произведения советской драматургии всегда определяла творческое лицо театра. На его сцене с успехом шли произведения Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, Н. В. Гоголя и А. Н. Островского.

Спектакль «Егор Булычев и другие», поставленный в 1968 году, был отмечен Дипломом I степени на Всесоюзном фестивале, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Горького. Постановка «Пят

идет» по произведениям М. Шолохова получила Диплом I степени на театральном смотре, посвященном 30-летию Победы. В прошедшем сезоне театр принял участие в третьем Всесоюзном фестивале драматургии народов СССР. Спектакль «Дом на песке» по пьесе Р. Ибрагимбекова был также удостоен Диплома I степени.

Театр всегда тяготел к произведениям масштабным, способным рассказать о важных явлениях жизни, раскрыть сложные человеческие характеры.

2 августа состоится открытие гастролей театра спектаклем «Две зимы и три лета» Ф. Абрамса (инсценировка В. Токарева). Основой его стала вторая часть трилогии «Пряслины», рассказывающей о жизни северной деревни в военные и послевоенные годы. В центре повествования — судьбы двух закадычных друзей: Егорши и Мишки, которые выросли на одной улице, вместе учились, работали в колхозе, а стали разными людьми: один — серьезным, ответственным, добросовестным, другой — искателем легких дорог, тщеславным и легкомысленным. Но самое главное в этой пьесе — ее оптимистический тон, ибо при всех испытаниях и послевоенных лишениях сохранилась надежность, несгибаемость людей